

КОЭВОЛЮЦИЯ: ПУТЬ К РЕАЛЬНОМУ БУДУЩЕМУ

Канд. филос. наук, доц. БУЛЫГО Е. К.

Белорусский национальный технический университет

Для современного человека, просвещенного и образованного, очевидным является то, что познание мира – не только интеллектуальная задача, но и задача, определяемая жизненной необходимостью. Во многом пути и способы ее решения сегодня определяются понятиями «результат» и «успех», диктуемыми прежде всего деятельностной парадигмой. Это вполне логично в контексте техногенной цивилизации, характеристикой которой служит феномен потребления. И здесь мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: с одной стороны, с каждым годом все актуальнее звучит осознание глобального кризиса современной культуры, кризиса морального сознания, бездуховности и обезличенности современного общества, особенно молодого поколения. С другой стороны, господствует прагматический подход. Получается, что мы, наследники европейского духа, закаленного его драматической историей взлетов и падений на протяжении нескольких тысячелетий, не можем ничего иного, как только сетовать на загрязнение окружающей среды, продолжая при этом это загрязнение умножать в арифметической прогрессии. Мы указываем на утрату моральных ценностей и разрыв традиционной преемственности, ничего не делаем для их возрождения. До тех пор пока в нашем сознании и культуре в целом будут господствовать целевые установки, направленные на внешние ценности, развитие и прогресс как самоцель, успех и результат, имеющие конкретное прагматичное измерение, обозначенный глобальный кризис будет углубляться. При этом его последствия могут оказаться необратимыми. Ведь история человеческой культуры есть история все более жесткого возмущения биосферы. Иначе говоря, как осознание проблем и противоречий современной культуры, так и выяснение их предпосылок – необходимое, но недостаточное условие для гармонизации человеческого бытия. Необходима реальная и при этом универсальная программа, которая позволит преодолеть глобальный кризис, реанимировать моральное сознание и гармони-

зировать человеческое бытие. Основания для выработки такой программы есть, и они вполне убедительны. К ним можно отнести не только позитивные идеи, но и негативные предпосылки, вынуждающие мыслящих людей сегодня отказаться от «страусиной» политики. Негативные предпосылки с необходимостью включают современный технологический императив, доминирование которого угрожает существованию духовности как таковой и создает «пост-человека», «зомбированного» обществом потребления. Важно отдавать себе отчет в том, что технологический императив в сжатом виде выражает сущность мировоззрения сциентистского типа, связанного с технократизмом и верой в абсолютный авторитет науки.

Образ «пост-человека» – своего рода вызов эллинскому и христианскому мирам: мертвая душа в брэнной, но живой телесной оболочке. «Пост-человек» – не только дитя своего времени. Он – наследник как ренессансного антропоцентризма и идеи «человекобожия», так и основных установок классической науки и философии Нового времени. Именно тогда и вырабатывается особый подход к человеку, который принято обозначать в качестве западного. Такой подход толкует человека как субъекта деятельности, характеризующегося прежде всего активностью. Целью активности выступают познание и изменение окружающего мира, что возможно не только при особом уровне развития науки и техники. Подобная активность становится возможной только в определенной системе ценностей и идеалов, которая позволяет человеку на основе веры в свои неограниченные познавательные и преобразующие способности контролировать и использовать окружающий мир. Обозначенная ценностно-смысловая система легитимирует гносеологическую и деятельностную агрессию человека к естественно-природному миру (что выражается в форме субъект-объектной оппозиции), а в конечном счете, и к самому человеку, что возможно лишь при признании разделенности, ди-

станцированности человека и мира. К сожалению, важнейшим по своим негативным результатам, гносеологическим, а также общемировоззренческим следствием идеи разделенности мира является разделенность истины и этики. При таком подходе научная истина не только не требует, но и не нуждается в этических обоснованиях [1, с. 25].

В качестве позитивных оснований для выработки плодотворной программы решения обострившихся проблем человеческого бытия вплоть до сохранения его основ, а следовательно, возможности предотвращения глобальной экологической катастрофы можно считать новую коэволюционную методологию. С одной стороны, вырабатываемая новая методология подготовлена всем развитием философской мысли Востока и Запада. С другой стороны, именно коэволюционная методология соответствует уровню развития постнеклассического естествознания и основным системам, составляющим его предметное поле. Главной характеристикой данных систем, называемых диссипативными, выступают их нестабильность, открытость, нелинейность и вариативность путей и сценариев развития. Само содержание новой методологии и связанного с ней парадигмального типа мышления, исходящих из идеи действительного единства всего сущего, опирается на следующие идейные основания:

- идею единого, артикулированная в древневосточной религиозно-философской традиции;
- идею субстанциального единства мира, выработанную античной натурфилософией;
- идею всеединства русской религиозной философии, в частности русский космизм;
- идею биосферы, а затем ноосферы, связанную с именами Вернадского и Шардена;
- парадоксальные художественные образы модернизма и постмодернизма искусства XX–XXI вв., прежде всего художественный абстракционизм и эстетика абсурда;
- идеи гештальтпсихологии, утверждающие несводимость целого к сумме его частей;
- новую синергетически-информационную модель мира, онтологизирующую понятие «хаос» и акцентирующую динамический аспект реальности.

Содержательно коэволюция выступает как сопряженная эволюция и человека и природного мира, следовательно, сам человек не мыслим вне динамичного единства природной среды и духовных оснований.

Плодотворная в рамках синергетически-информационной модели мира идея равновеликости человека и мира означает не только новое отношение к окружающей среде, но, не в последнюю очередь, и принципиально новое отношение к самому себе. Ведь самоопределение человека в любой культуре реализуется через отношение к миру.

Коэволюционная методология не отменяет деятельностного подхода человека к миру, но наполняет его новым содержанием, перестраивая целевые установки с внешних на внутренние и ориентируясь на иные экологические императивы. Экологизация сознания из умозрительной идеи превращается в настоящую потребность современной культуры. (Именно из этого исходит экологическая этика Н. Моисеева.) Основные принципы коэволюционной методологии диктуются способом данности реальности человеку и ее основными характеристиками, раскрытыми постнеклассической наукой. К ним относятся такие принципы, как антропокосмизм, комплементарный диалог и универсальный гуманизм, акцентирующие человеческую деятельность и задающие формы, способы взаимоположенности человека и мира. Эти принципы призваны гармонизировать бытие человека через отказ от возмущающих биосферу последствий его воли в пользу ее совпадения с естественной и единой логикой Вселенной.

Новая методология не только не противоречит современной научной картине мира, основой которой выступает глобальный (универсальный) эволюционизм, но и соответствует синергетически-информационной модели реальности как междисциплинарной. Более того, благодаря ей и ее позитивному эвристическому потенциалу самой коэволюции нужно рассматривать в качестве многообразного процесса сотворчества человека и Вселенной. Это не жесткая программа деятельности, а интерактивная игра, позволяющая выработать разнообразные сценарии будущего развития, т. е. переход к новым типам гомеостаза через динамический хаос.

Синергетика как позитивная эвристика, как метод экспериментирования с многоуровневой реальностью благодаря идеям коэволюции обретает особую размерность. Суть этой размерности заключается в творческом, нелинейном отношении к миру, что означает «открытие возможности сделать себя творимым. Позво-

лить нелинейной ситуации или другому человеку влиять на себя. Строить себя от другого» [2, с. 21]. Более того, становится очевидным, что позволить себе быть творимым есть не что иное, как естественная необходимость, выражающая роль обратных связей не только в процессе личного самоопределения, но и в нашем обыденном существовании. Это и есть мировоззренческое основание для выработки новых императивов, реальной экологизации сознания. Принятие мысли о том, что мир постоянно отвечает на наше возмущающее воздействие на био- и ноосферу, дает шанс на принципиально иные сценарии и стратегии научного поиска, технического развития для создания принципиально иных связей во вселенском масштабе и, следовательно, надежду на реальное будущее.

Сложность выработки новой методологии не только задается сложностью мира, что конституируется синергетической моделью. Именно синергетика открывает необычные стороны мира – нестабильность, возрастание сложности формообразований и способов их объединения в иерархические целостности, что и выражает суть коэволюционных процессов [3]. Артикулируемая синергетикой неопределенность мира задает новую интонацию в подходе к нему, новую размерность, в том числе и познавательной деятельности. Мы возвращаемся к античной идее о том, что природа любит скрываться, и тайна мира вызывает наше неукротимое желание ее раскрыть не только из утилитарно-прагматических соображений. Таинственность, сокрытость мира, невзирая на многообразные знания о нем, вовлекают человека в своего рода игровые отношения, а сама игровая ситуация приобретает интерактивный характер. При этом значимость раскрытия тайны мира возрастает в связи с предвкушением того, как это новое знание, в свою очередь, повлияет на нас.

Основная проблема сегодняшних исканий связана не только с формулированием новых императивов, но и с превращением их в реальные программы определения себя и мира. Самым трудным, на наш взгляд, выступает осознание необходимости менять себя самого и быть готовым измениться под влиянием мира во всем его непредсказуемом многообразии, а не агрессивно и утилитарно менять внешнее естественно-природное окружение. И в решении данной проблемы важны основные идеи

синергетики, которая конструктивна и в понимании человека [4].

В этой связи даосско-буддистский Восток с его принципом антропоприродной соразмерности интуицией Единого и законом подвижного равновесия максимально созвучен синергетически-информационной модели реальности и актуален при выработке нового типа мировоззрения.

Сегодня мы готовы истолковывать мир, включая человека как единое саморазвивающееся и самоорганизующееся целое, связанное не только посредством вещества, но и энергии и информации, что абсолютно созвучно многим религиозно-философским идеям Древнего Востока. Так, основа основ учения Лао-цзы сконцентрирована в понятии Дао, которое есть Путь всего сущего, единство Хаоса и пустотное начало вещей [5]. Благодаря Дао не только раскрывается особая связь человека и мира через равнозначность, соразмерность. Даосское почитание природы – это больше, чем естественное стремление к гармонии с окружающим природным миром, о чем свидетельствует знаменитый принцип у-вэй как ненарушение естественности, а не просто не-деяние. В конечном счете оно выражает признание абсолютного единства со всем мирозданием. Эта великая интуиция Единого задает цель самого человека, которая состоит в избавлении от разорванности субъект-объектного сознания, тела и души через мистическое единение со всем сущим. Достижение этой высокой цели возможно только

при следовании Дао – естественному Пути, которому все подчинено и во вселенском масштабе, и в масштабе человека как микрокосма. В этой связи антропокосмизм как важнейший принцип новой методологии абсолютно созвучен даосскому мировоззрению. Он исходит прежде всего из идеи действительного единства мира на всех его уровнях, включая уровень особой психической реальности. Благодаря этому иначе осмысливается важнейшая проблема обратных связей, социальной диффузии. Все это позволяет сделать вывод о том, процессы и феномены, свойственные микроуровню, влияют на эволюцию структур макроуровня. При этом очевидно, что сценарии перехода от хаоса к порядку и обратно отнюдь не определяются конкретной природой рассматриваемых систем и объектов, а в равной степени присущи и естественно-природному и человеческому

мирам. Тем более, что точки бифуркации как пороговые, критические являются значимыми и для человека, осуществляющего свой экзистенциальный выбор, и для любого другого исследуемого объекта.

Антропокосмизм как важнейший принцип коэволюционной методологии отнюдь не низводит человека до уровня материального объекта, но и не задает предельное расширение масштаба реальности через ее антропологическое измерение. Он акцентирует прежде всего духовную сопричастность человека и мира, а следовательно, переосмысливает проблемы свободы и ответственности. Тем более, что последние модели онтологии антропного принципа исходят из необходимости рассмотрения еще и его этической версии. Следовательно, мы имеем дело с еще одним, значимым по мировоззренческим последствиям, аспектом Вселенной, который допускает необходимость и даже предзаданность нравственного закона [6, с. 45–48].

Синергетическая онтология, которая представляет собой холистский подход к миру, акцентирующий его целостность, сложность, многоуровневость, переосмысливает и онтологию человека. При таком подходе становится возможным иначе истолковать связь между человеком и обществом: человек в качестве части мыслится как более сложное, чем само целое – общество. Именно свобода является важнейшим выражением нелинейности и динамичности человеческой личности, встроенной и, следовательно, завязанной на обратных связях с внешним изменчивым окружением и внутренним динамическим хаосом ее самоопределения. Через свободу реализуется активная роль человека в процессе выбора путей будущего развития. Активность человека и его свободный выбор являются реальным основанием оптимизации и его бытия и бытия мира, что предполагает глобальный масштаб мышления, адекватные действия, синергетические со средой, в результате чего творится взаимосогласованный когерентный мир.

Такая онтология человека не только предполагает его иное самоопределение и самоидентификацию. Как следствие, особое звучание приобретает проблема связей прежде всего обратных: прошлого – настоящего – будущего. Актуальным становится обращение к проблеме преемственности в культуре, анализу роли культурных традиций как носителю историче-

ской памяти. Становится значимым прошлое не как ставшее, т. е. состоявшееся, а как определяющее будущее.

Перспектива, вырабатываемая таким путем самоопределения человека, его особым местом в коэволюционных процессах, неисчерпаема:

- она предполагает изменение отношения к окружающему миру, который из податливого материала, нуждающегося в твердой руке мастера, превращается в полноправного участника единого процесса развития ноосферы;

- в ней снимаются противоположность и даже противоречие между естественными и гуманитарными науками, между философией и наукой;

- система образования может быть переосмыслена кардинальным образом: через игровые методики, интерактивность, синергетический подход; сам процесс образования превратится в открытый диалог, в процесс со-творчества и со-творения, пробуждение скрытых сил и способностей как учителя, так и обучаемого;

- переосмыслится статус и качество специалиста, подготавливаемого как средним специальным, так и высшим образованием: узкая специализация должна быть востребована только в качестве уровня мастерства и профессионализма в определенной сфере, формируемого на основе системного подхода, предполагающего глобальный масштаб мировидения;

- становится бесполезным и даже бессмысленным образ врага, который эксплуатировался в истории человечества тысячелетиями и особенно остро заявлял о себе в XX в.

ВЫВОД

Будущее человека и человечества творится в каждом мгновении настоящего. Осознание личной ответственности за него, экологизация сознания, ощущение себя в качестве со-творца мира не через дистанцированность, а через равнозначность – вот те немногие принципиальные следствия утверждения коэволюционной методологии в науке, морали и обыденном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин, В. С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации / В. С. Стёпин // Си-

нергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 12–27.

2. **Князева, Е. Н.** И личность имеет свою динамическую структуру / Е. Н. Князева // Мост. – 2000. – № 37. – С. 21–24.

3. **Николис, Г.** Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Наука, 1990. – 342 с.

4. **Князева, Е. Н.** Антропный принцип в синергетике / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 62–79.

5. **Дейви, Х. И.** Искусство и путь по-японски: 45 дорог к медитации и красоте / Х. И. Дейви. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 304 с.

6. **Аредаков, А. А.** Сознание в онтологиях антропного принципа / А. А. Аредаков // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 45–51.

Поступила 20.01.2009